

Василий ПЕШКОВ

С радостью
Василий!

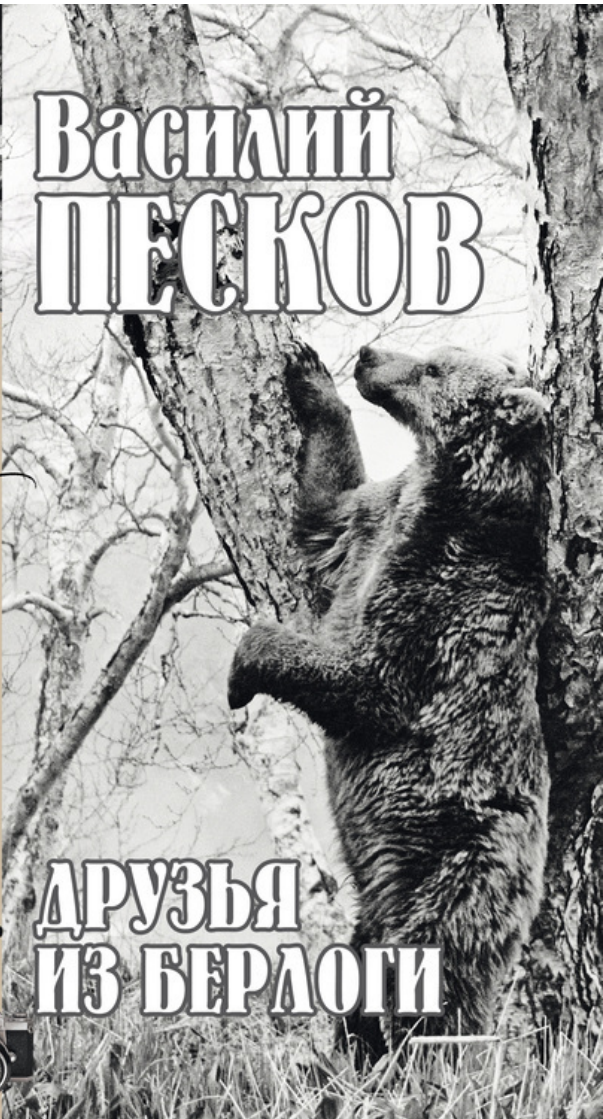
Юнк

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ДРУЗЬЯ ИЗ БЕРЛОГИ

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 11. Друзья из берлоги
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23304633

Василий Песков. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый.

Друзья из берлоги: ИД «Комсомольская правда»; Москва; 2014

ISBN 978-5-87107-887-7

Аннотация

В 11-й том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, обозревателя «Комсомольской правды», вошли его рассказы о людях, которые лесную жизнь знают не понаслышке, а буквально каждый день общаются со зверьем и птицами. А также путевые заметки из путешествия по Норвегии.

Содержание

Предисловие	6
1975	13
Река и жизнь	13
Дом, лодка...	13
Заключение	25
1976	37
Дикая жизнь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 11.

Друзья из берлоги

«Землю можно сохранить только бережным отношением и любовью всех людей, живущих на ней. Очень много зависит от нашей культуры, от наших знаний и понимания: многое в жизни спасает любовь. Тот, кто в детстве свернул палатку, чтобы не помешать дятлам кормить птенцов, став взрослым и хозяйствуя на Земле, сделает меньше ошибок. Давайте помнить об этом».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Дед Павел.

Захотелось, дорогие читатели, опять вернуться к биографии Василия Михайловича Пескова. В предыдущем томе он кое-что рассказал в своих заметках «Я помню». Но все-таки там было больше о войне, чем о родных Василия Михайловича. А тут я случайно наткнул-

ся в одной из книг мастера на его записки о семье. И я подумал: зачем что-то писать, если есть вот этот его великолепный собственноручный рассказ.

«Вот альбом фотографий у меня в доме. На снимке, его открывающем, человек военный. Это мой дед, Павел Константинович Волохин (дедушка Павел). Снимок сделан в Финляндии незадолго до Первой мировой войны...

Дед Павел был крестьянином, но дослужился до офицерского чина. Имел два Георгия. Приезжая в отпуск, в родное село, он, по рассказам бабушки, одаривал всех гостинцами и был желанным гостем в любой избе. Был он веселым, любил песни. «Паша, да ты мертвого из гроба подымешь», – говорила о нем какая-то неведомая мне хмурая сельская баба. В каждом доме был он гостем желанным, всем было приятно с ним повидаться, поговорить. Веселого, умного человека война не пощадила в первый же месяц. Предчувствуя войну, дед спешно отправил семейство домой, в воронежское село, и с полком своим отбыл на фронт. Друг его написал бабушке: «Мужайтесь, Прасковья Матвеевна, Паша убит был утром разорвавшимся над окопом снарядом. Мы как раз в этот момент говорили о доме, о семьях... В цинковом гробу Павла отправили в город Лахти. Там будет его могила».

...Еще фотографии в книге – мои родители: мама Татьяна Павловна и отец Михаил Семенович Песковы. Оба потомственные крестьяне. Отец – подчеркнуть, что

земля, поле для него – основа всей жизни, явился свататься в лаптях, чем очень озадачил и огорчил маму, тоже знавшую полевые работы, но уже слывшую на селе белошвейкой. (В наследство сестрам моим осталась ее машина Zinger. Бывают же изделия долговечными – машина исправно работает и поныне!)

Землю отец любил и был на ней работником умелым и добросовестным. В колхоз вступить не захотел. Ушел на железную дорогу грузчиком, учился потом на машиниста подъемного крана. Помню, как вечерами он с карандашом рассказывал маме, как устроен кран. «Если стрелу установить неправильно – кран опрокинется». И я тогда с ужасом думал: а вдруг отец забудет установить стрелу как надо? До конца жизни отец работал на железной дороге. Имел сундучок похвальных грамот и очень гордился знаком «Почетный железнодорожник», позволявшим ежегодно бесплатно и в мягком вагоне «ездить куда захочет».

Папа – Михаил Семенович.

Мама... С волнением разглядываю молодое лицо. Ей двадцать один год. Сколько всего с той поры выпало на ее долю, особенно в годы войны! Четверо детей остались у нее на руках, а фронт стоял в двадцати пяти километрах, в Воронеже. Над городом днем стояла черная пелена гари, а ночью небо было огненно-красным. И где-то близко, мы чувствовали, был Сталинград. Боясь, что фронт может сдвинуться, всех жителей из села попросили спешно переселиться в село соседнее – готовили но-

вую линию обороны. Легко представить трудности переезда мамы с четырьмя ребятишками, один из которых еще только-только научился ходить. Житье в чужих людях с детьми, забота о еде, обуви, одежках, о здоровье семьи. Выручала все та же машинка Zinger. Под стук ее мама ухитрялась, чтобы нас ободрить, даже петь. Ночами мы с ней воровски с санками ездили в лес за дровами, на ручной мельнице мололи рожь, гнали самогон, выменивая его на солдатскую бязь, из которой, окрашивая ольховой корой, мама шила нам одежонку. Кормили семью огород и две козы. Сажая нас за стол, мама всегда говорила: «Мы вот все-таки сыты. А как там отец?» Письма отцу «на позицию» мама писала печатными буквами (два класса образования) у коптилки ночами... Уже став взрослым и понимая кое-что в жизни, мамою я гордился. Труженица. С детьми была она, как наседка с цыплятами: «Уж как дети болеют – лучше самой болеть». Была справедлива со всеми. И всеми была уважаема за мудрость – к ней, помню, ходили за советом, всех она мирила, утешала, лечила какими-то заговорами. Когда после школы я оказался на распутье и был растерян, она заметила мою страсть к фотографии и при крайней бедности семьи в те годы настояла купить для меня фотокамеру.

Мама – Татьяна Павловна.

Родительских снимков осталось много. Но вот эти два всегда разглядываю с волнением. Отцу двадцать пять, маме – двадцать одно лето. А карапуз рядом с их лицами – это я, Василий Песков («Васютка» – называли меня в детстве). Мама рассказывала, что было мне тогда шесть месяцев. Рассказывала, как ездили в город «сниматься», как я захотел потрогать ручонкой стоящую на треноге, похожую на гармонь фотокамеру... Судьба – стал фотографом...»

А это я – Васютка.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1975

Река и жизнь

Окончание. Начало в томе 10.

Дом, лодка...

В летнюю жару в душном городе, в предвкушении отдыха после работы, о чем мечтает человеческая душа? О тихой воде с кувшинками, о желтом прогревом песочке, об укромном месте в осоке, где можно спрятаться от всего света с удочкой. О лодке мечтает душа, о радости поплескаться в воде, о нечаянной встрече с каким-нибудь зверем, ну не со зверем, хоть с лошадью на лужке, с семейством белых домашних гусей, с какой-нибудь птицей, парящей в небе. Где этот рай на земле? Есть такой рай. Это речка.

По нашим прикидкам, на Воронеже летом отдыхает несколько сотен тысяч людей. Чем измерить, как оценить эту работу, это благодеяние реки. Если бы роль ее в нашей жизни этим только и ограничилась (мало ли это – возвращать силу и радость уставшему человеку?!), и тогда мы должны бы беречь реку как величайшую ценность. Но, как видим, течение воды по земле используется человеком со всевозможными

выгодами – хозяйственными, санитарными, эстетическими. И корень проблем состоит в том, чтобы «не загнать лошадь», чтобы река продолжала служить по всем статьям наших интересов. Стало быть, нагрузка на нее должна быть разумной тоже по всем статьям.

Рождает ли проблемы многотысячная концентрация людей на реке в летнюю пору? Да.

Выделим из них наиболее существенные.

Некоторое время назад на Воронеже вспыхнула нешуточная «гражданская война». Владельцы моторных лодок столкнулись с теми, кто отдыхал на реке без мотора. Фронт пролегал под Рамонью. И случилось это потому, что местные жители и приезжие, а вместе с ними председатель райисполкома Николай Антонович Тупикин и директор сахарного завода Борис Петрович Мирошниченко опустили шлагбаум: «Далее по реке – только на веслах!» Нетрудно представить, какая поднялась буря, если в Воронеже четыре с половиной тысячи моторных лодок. К нам в редакцию шло половодье писем. Писали с обеих сторон баррикады, и каждый не сомневался в своей правоте. Аргументы одной стороны: «Это заслон техническому прогрессу!.. Они мешают нам отдыхать». А вот что писали с другой стороны: «Никакого житья не стало от лодок. Ад на реке от рева и дыма. Вода загрязняется. Берега размываются. Такая река, как Воронеж, не способна выдержать подобного натиска!»

Признаемся, эта война нас обрадовала. Она обнаружила

силы, способные постоять за здоровье реки и за здоровый на реке отдых. Но издали не просто было разобраться в тонкостях конфликта, назревшего, как чувствовалось, не только на Воронеже.

И вот плывем по реке. С мотором. Идем не быстро, во соблюдение принципов, которые исповедуем, к тому же оранжевый надувной «Пеликан» на буксире и не дал бы нам разогнаться. Зато другие моторные лодки летят, едва касаясь воды. Летят вверх по реке из Липецка, возвращаются в Липецк. Едва успевает улечься крутая вода – снова моторка. Рыбаки на плоскодонках и челночках забились в осоку, в заросли кувшинок и телореза. Все равно волна настигает лодчонки, кидает их с борта на борт. Поплавки волна прибывает к осоке. Не успеет удильщик поправить снасти – новая лодка. Все возможности русского языка для протеста давно тут исчерпаны. С молчаливой злостью провожают ревуший моторный снаряд.

На этом снаряде, как мы заметили, царит не просто спокойное равнодушие, на нем восседают с торжеством всадника, которому даже и нравится попирать пешех.

Особо отличаются на моторках молодцы, пожившие на земле лет двадцать или около того. Для них лодка – мотоцикл на воде. Из мотора (а он, как правило, 20–25 сил) выжимают все. Скорость – 40 километров. Берег от ударов воды обваливается. Какой-нибудь старичок хватается весла – удержаться, не опрокинуться в плоскодонке. А двум-трем нави-

гаторам, сидящим в алюминиевом чуде, только смешно от этого.

В пятницу, субботу и воскресенье на реке воцарялся тот самый ад, о котором писали с «фронта» из-под Рамони. Моторки шли одна за другой, временами (проверено по часам) с интервалом в сорок секунд. Над водой стоял голубоватый туман выхлопных газов и непрерывный звенящий гул. Искать в такие дни покоя и тишины на реке – все равно что в большом городе выйти «подышать воздухом» на забитую автомобилями улицу. Однако куда же деться – сидят «безмоторные граждане» на берегу с удочками, прижались к осокам на плоскодонках. Терпят. Но чувствуется: терпению придет конец.

Ниже Липецка моторок меньше (их надо перетаскивать через плотину). А по мере удаления от города мы почувствовали некую «ничейную» тихую зону – липчане на моторках сюда не доходят, воронежцам далеко подниматься. Но странное дело. Спускаемся ниже, пора бы уже воронежцам царствовать на реке. Но тихо! Благодать разлита между берегами. Безбоязненно плавают гуси.купаются ребяташки. Весельные лодки ну прямо распоясались – на самой середине реки стоят. Мы на моторке чувствуем себя в этом месте как-то неловко. Предельно тихо идем, но не все замечают подобную деликатность. С берега показывают на нас пальцами и говорят что-то явно нелестное. Рыбаки, сидящие в надувных автомобильных шинах и в каких-то складных корытцах, на-

строены особенно воинственно. Один решительно подгребает и берет нашу лодку на abordаж.

– Почему с мотором? Вы что, не знаете!.. Вот сейчас пойду звонить Николаю Антоновичу. Вас встретят как полагаются...

Все было ясно: на рубеже под Рамонью победили весельные лодки!

Доплыв по тихой реке до Рамони, мы сами пошли к председателю райисполкома Николаю Антоновичу Тупикину поздравить его с победой.

— О, что тут было! — сказал председатель. — Писали в Верховный Совет. Грозилась. А мы спокойно стояли на своем. И победили, потому что были правы. При общественном обсуждении конфликта обнаружилось: заинтересованных в тишине на реке в сотни раз больше, чем владельцев моторных лодок. Ну и саму реку тоже ведь пощадить надо. Словом, страсти утихли. Все встало на свое место...

Проблему решили так: от Воронежа до Рамони (по воде примерно 25 километров) для моторных лодок река свободна. Но время движения их ограничено (утром проход с 8 до 11, вечером — с 16 до 21 часа). Выше Рамони — зона покоя. В необходимости этой зоны все сейчас убедились.

Разумно решилась проблема? Разумно. И это пример липчанам. По нашему мнению, поселок Доброе должен стать для моторок конечным пунктом вверх по реке. (От Липецка вниз пределом надо считать Пады.) Ну и время хождения тоже стоит продумать. И мощность моторов следует ограничить. И скорости тоже. Надо брать у реки не более, чем она способна дать.

Теперь о домах у воды... Первый намек на желание человека с хозяйским размахом селиться на лето возле воды мы заметили далеко выше Липецка. После палаток и шалашей в глаза вдруг бросился дым из печурки. При ближайшем рассмотрении оказалось: печурка дымит у свайного летнего домика, обсаженного тополями. Тут же разбит огород. Все хозяйство обнесено проволоочной оградой. На краю «усадьбы»

у примыкавшего к ней леска из будки глядел серьезного вида черный кобель. Идущий по берегу обязан был стороной обойти эту собственность на реке.

Нас хозяин принял любезно. Назвался: «Леонид Дмитриевич Харин. Пенсионер. За ползарплаты слежу за движением по реке – работа и отдых по совместительству. А это моя обитель». Леонид Дмитриевич снял со стола уют, отдал жене распоряжение по хозяйству и, не дожидаясь вопросов, стал говорить.

– Вот посадил тополя. Растут!..

Мы справились: а можно ли нам, например, тут рядом осесть с огородом, с легким домишком и с тополями?

– Пожалуй, можно... – неуверенно сказал Леонид Дмитриевич.

Тогда мы нарисовали перспективу: один к одному домики с насаждениями, огороды, цепные собаки... Доступна ли будет река для тех, кто не успел на ней захватить место?

– Да... – сказал Леонид Дмитриевич.

Мы попрощались с инспектором моторного флота, лишь слегка озабоченные возможностью заселения берегов. Но скоро убедились: заселение уже вовсю идет, и наша тревога значительно запоздала.

Ближе к Липецку на берегу стали попадаться рядом стоящие фанерные и дощатые домики. Один легкий табор, другой, третий... Места, естественно, самые живописные. И почти всюду на воде – лодки, а сзади, «в тылах», – ограда, идут

работы, и уже вырисовывается в перспективе поселение для летнего отдыха со знаком «Посторонним проход запрещен».

У местечка Горишное такое поселение на берегу уже оформилось. На пять километров окрест ревел репродуктор, прямо на берег из-за забора на обозрение проплывающих по реке вынесено отхожее место. Берег вытоптан и разрыт (брали песок для стройки) и, будучи в этом месте крутым, грозит постепенно разрушиться, подобраться к постройкам. «А мы реку отведем в сторону, вон туда в пойму», – сказал нам начальник зоны отдыха.

Так складываются отношения между рекой и ее поселенцами. Мы говорили уже о бульдозерах, земснарядах, подъемных кранах, бетономешалках и металлических фермах на берегу – это все лихорадка строительства. Застройщика маленького индивидуального (типа знакомого нам инспектора) вытесняет застройщик солидный – заводы, тресты, строительные организации, учебные заведения, конторы и общества. Причем берег делят азартно, по принципу: кто скорее захватит. В живописное Горишное дирекция Липецкого тракторного завода спешно ночью послала 30 грузовиков с камнем – и обошла конкурентов! В еще более живописном Сухоборье к нам в лагерь пришли челобитчики – пенсионеры, образовавшие на берегу поселок из деревянных скворечников. Теперь на берегу разворачивает свои «цеха отдыха» Новолипецкий завод. Возникла тяжба между застройщиками-старожилами и подминающим под себя берег застройщи-

ком-гигантом...

Но надо сказать, липчане еще не успели как следует развернуться. Подплывая к Воронежу, мы вдруг почувствовали: движемся не по реке, а по некоему проспекту – электрифицированному, радиофицированному, моторизованному, шумному, застроенному справа и слева. Берега в привычном понимании не было. Дома, заборы (иногда высокие, глухие, возле самой воды), лодочные пристани, карусели, мощные репродукторы, прожектора, таблички «Прохода нет!», «Не причаливать!». Проплывая тут, мы чувствовали себя так, как будто нечаянно вторглись в чужую квартиру. Река и берег были поделены между ведомствами. Завод имени Ленина, местный ГУМ, управление железной дороги, управление местной промышленности, общество любителей-рыболовов, какой-то техникум, институт... Мы попытались было записывать всех, кто осел на реке, но потом махнули рукой – занято все, плотно, плечом к плечу. Ни птице, ни зверю, ни человеку с удочкой (без принадлежности к какому-нибудь ведомству) на берегу места нет.

Любопытства ради мы все же пристали к берегу в одном месте и пошли по дорожке между стоящими один к одному «садовыми домиками». В отличие от садоводов тут проводили лето любители-рыболовы. Признаемся, более колоритной картины за нашу, не такую уж бедную впечатлениями жизнь мы не видели. Слово «шанхай» наиболее точный образ этого поселения. На берегу в шестьсот метров (и на

двести метров в глубь дубового леса) человеческими ухищрениями, выдумкой и нахальством удалось втиснуть 430 (!) свайных, вытянутых по вертикали домишек. Сосед соседу из окна тут пожимает руку. Пространство между домами завалено досками, кирпичом, рулонами толи, удочками и всякой всячиной, неизбежной в каком ни на есть хозяйстве.

Не знаем, заглядывал ли сюда из Воронежа пожарный инспектор. Ему тут есть на что посмотреть. В пожарном отношении этот поселок уподобляется сваленным в кучу коробкам спичек.

Санитарный инспектор тоже, думаем, должен обратить сюда взор. 430 домов. В некоторых домах число «рыболовов» (попросту семья) достигает пяти – семи человек. Прибавьте приезжающих сюда на субботу и воскресенье гостей. (В такие дни собирается примерно четыре тысячи человек.) Ни водопровода, ни канализации в «шанхае» нет. Для естественных нужд – несколько выгребных ям. Мусор отсюда не вывозится, его тоже хоронят в ямах. Нетрудно понять: подземные воды несут все отбросы реке. Так обстоит дело с житейскими и санитарными нормами.

Особая статья – здоровье самой реки и леса на ее берегах. Неприкосновенный водоохранный лес в этих местах обречен. Едва ли не каждый второй из дубов превратился в сухой скелет. Одна из проблем для поселка – что делать с деревьями? Первая буря может их повалить. А падая, дуб подомнет целый квартал «шанхая». Их и спилить не просто –

они должны куда-то все-таки падать...

Поселок зарождался с маленького – с ночлежных приютов двух-трех десятков любителей рыбной ловли. Теперь «рыболовство-любительство» стало хорошим предлогом осесть на реке. Председатель совета рыболовной базы Александр Федорович Чепурнов прямо так и сказал: «Рыболовов половина примерно, остальные имеют тут что-то наподобие дачи». Вот так. Дачи или что-то вроде дач. Называй как угодно. Налицо незаконное, неразумное, губительное для реки поселение.

Такие дела со строительством на реке... Сразу же скажем: мы горячо за то, чтобы река была местом отдыха. Жизнь показывает: в этом одна из больших ценностей реки, одно из ее назначений. И всячески надо реку для этих целей оберегать. Но верным ли путем пошла организация отдыха на реке? Думаем, нет. Превратить реку в шумный проспект с огнями, ревом моторов и репродукторов, с каруселями и «чертовыми колесами», с ведомственными заборами и бетонированными дорожками на берегу... Велика ли от такой реки радость? Все, ради чего человек к реке тянется, все одним махом подрублено.

Особая сторона дела – юридически-нравственная. Можно ли реку даже и во благих целях делить между ведомствами, сколь бы ни велико было наше к ним уважение? Ни в коем случае! Река – общее достояние, она принадлежит всем. Все имеют одинаковое право получить тут свою долю здоровья и радости. Сельский житель, турист, приезжий человек, го-

рожанин, не причастный к какому-либо из ведомств, не должен встречать на реке строений, заборов и табличек «Проход запрещен». И это единственно верный подход, ибо для дележа по ведомствам не хватило бы даже и Амазонки.

И, наконец, судьба самой реки, артерии, и без того нагруженной до предела... «Шанхай» и любое другое поселение прямо на берегу – это петля для реки. Подробные объяснения вряд ли тут и нужны. Любое строительство на берегу – это повреждение леса. Большая концентрация на берегу людей и отходы их жизнедеятельности – это опять повреждение леса. А мы подробно уже рассказали, чем кончается для реки гибель леса на берегах.

Какой же выход с базами отдыха? Только один: строить их надо не на берегу. Так же, как и всегда строили – в стороне, в километре-другом от реки. А к воде, пожалуйста, с удочкой, с купальником, с одинаковыми для всех правами.

Но и в этом случае надо строго смотреть, сколько людей способен «обслужить» данный участок природы. Не велика ли будет нагрузка? Это важный вопрос. И ошибки тоже есть уже, к сожалению. Новолипецкий завод в Сухоборье неплохо спланировал базу. Неплохо построил. Но аппетит разгорелся: место хорошее, кроме заводской базы, пусть и каждый цех строит. А цехов-то на заводе – 40! И пошло. Соревнование, кто лучше, солиднее отгрохает терем, по показателям наверняка опередило соревнование по производству металла. И что же вышло. Вышел вариант «шанхая», о котором

шла уже речь, разве только посолиднее да побогаче, чем у любителей-рыболовов.

В чем же дело? Неверно направляется организация баз отдыха? Верным будет сказать: с точки зрения природопользования она никак не направляется. Все идет как бог на душу положит. Оттого и издержки. И тут опять встает вопрос о хозяине на реке. О хозяине, который и в делах, связанных с отдыхом, должен сказать: «Это можно, а это нельзя, так разумно, а это нет», о хозяине, без ведома которого на реке не должен забиваться даже и кол, не говоря уже о строительстве дач или чего-то на дачи похожего.

Порядок на реках наводить надо, и срочно.

Заключение

Наивно было бы думать, что узел проблем на реке разрешается просто. Жизнь скрестила тут множество интересов, разных, противоречивых. Их невозможно все даже и перечислить. И не следует ожидать, что директива или закон (в частности Основы водного законодательства) сразу все разрешают. Проблема состоит как раз в том, чтобы заставить законы работать.

Жизнь показывает: исполнение законов природопользования – дело не автоматическое. Всегда есть соблазн за счет природы исправить ошибку хозяйствования, прикрыть нерадивость и леность, залатать дыру, а нередко и отличиться.

Какое-то время природа все это может терпеть. Однако не бесконечно. И чтобы избежать критических ситуаций, законы природопользования надо уважать, разъяснять, исполнять, совершенствовать наряду со всеми другими законами.

Есть, однако, еще одна сторона дела: грамотность. Чеховский «злоумышленник» искренне недоумевал: за что же судят? «Я ведь не все гайки отвинчивал». Возникни судебное дело о злоупотреблениях в природе, мы можем сегодня услышать те же слова «о гайках». При этом ответчик может валять дурака, но может и просто не знать, что «отвинчивал» нечто важное в механизме природы. «Злоумышленник» может быть разным. Крупный хозяйственник, принявший волевое решение без учета последствий в природе. Пастух, спокойно глядящий, как коровы поедают прибрежный кустарник. Проектанты, которые все учли, но упустили из виду (будем считать, по незнанию) ущерб, наносимый проектом природе. Из этого следует вывод: всем надо учиться. Всем: академикам и плотникам, хозяйственным руководителям, школьникам, журналистам, учителям, администраторам. Это необходимость. Природопользование – наука новая. И формы учебы, как видно, должны быть самые разные: конгресс ученых, школьная программа, обязательный курс для студентов (и не только биологических вузов), семинар хозяйственников. В вузах настало время готовить экологов (экспертов природопользования). И, конечно, необходимо образование для всех. Эту роль, нам представляется,

могли бы успешно выполнить средства массовой информации, телевидение в первую очередь.

Дореволюционная открытка. Вид на реку Воронеж.

Таким образом: строгость закона, с одной стороны, и сознательное, грамотное и бережное отношение – с другой, могут дать человеку надежду: Земля, как и прежде, будет снабжать нас чистой водой, здоровым воздухом, пищей и радостью жизни.

Вернемся к реке, к ее неотложным проблемам. Без промедления надо понять: вода сегодня такая же ценность, как нефть, как уголь, руда. Океаны воды не в счет. В океане, известно, терпящий бедствие умирает от жажды. Беречь надо

воду, текущую в нашем доме из крана, в ручье, озере, в речке. Это нравственная сторона дела. Что касается дел хозяйственных, тут все начинают со счета. Воду тоже надо считать. Применительно к Липецкой и Воронежской областям, где недостаток влаги всегда ощущался, считать надо особенно тщательно. Теперь же, как мы убедились, многие проектанты в своих расчетах берут некую цифру былых запасов воды. Проекты имеют в виду сток речек, которые истощились и даже исчезли. Стало быть, в расчет берется несуществующая вода. Последствия этого предвидеть нетрудно.

О главном потребителе воды из Воронежа, металлургическом Липецке... Нарращивание тут промышленных мощностей находится в прямой зависимости от запасов воды. А они на пределе. Все планы неизбежно придется корректировать с учетом этого факта. Проблема эта не относится к числу разрешимых легко и просто. Но от нее не уйти. Если придется поставить разумный предел развитию металлургии в этой зоне и возить часть курской руды на переработку в другое место, конечный продукт будет несколько дороже. Но это будет лишь справедливая плата за очень важные ценности: не истощатся реки, не нарушится жизнь и хозяйство важной хлебопроизводящей зоны, наконец, не окажется на мели другой промышленный центр на реке – город Воронеж.

На саму реку (и притоки ее) нельзя смотреть только как на бассейн воды для промышленности и сельского хозяйства. У реки есть еще третье, важное назначение: удовлетворять жи-

тейские нужды лежащих на ней селений, служить местом отдыха для сотен тысяч людей из города. Триединство предназначений должно быть незыблемым, ибо все одинаково важно.

Если раз навсегда понять: река – это ценность (ключевая ценность в хозяйстве и жизни!), частные проблемы не покажутся непреодолимыми. «Здоровье всякой реки лежит на ее притоках». Выходит, хозяйский глаз должен быть обращен в первую очередь на малые реки. Не пахать до самой воды – первая заповедь. Неприкосновенным должен быть водохранимый лес, кустарники, питающие реку болотца. Всякое несоблюдение этого минимума надо считать преступлением закона. Но дело зашло далеко, и только одной профилактики уже недостаточно. Надо врачевать водные капилляры.

В зоне черноземных степей посажены государством (и теперь сажаются по своей инициативе колхозами) лесные полосы. Животворная сила их в этом краю проверена. Зеленый защитный пояс сажают также и вдоль дорог. Но кто, скажите, хоть одно деревце, хоть один живой колышек ивы воткнул в берег речки! Только рубим, травим скотом, корчем. Санитарная полоса насаждений шириной в шесть – восемь метров вдоль степной речки (и луговой части Воронежа тоже!) представляется делом естественным и необходимым. При этом следует помнить исторический факт: «зеленый покров Греции съеден козами». Зеленый защитный пояс, посажен ли он человеком, или создан самой рекой, должен быть сбережен

от потравы скотом. Потрава защитных полос у реки должна считаться бедой более серьезной, чем потрава посевов.

Что касается «преобразовательской» деятельности на реках в угоду вкусам, амбициям и ведомственному эгоизму (спрямление русла, засыпка озер и стариц, намыв пляжей, бетонирование берега), эту бесконтрольную самодеятельность надо пресечь немедленно, ибо ощущение технической мощи в сочетании с принципом «куда хочу, туда ворочу» пагубно для реки.

Вряд ли есть смысл называть сейчас все рецепты врачевания рек. Опыт оздоровления Десны говорит: при хозяйской заинтересованности и ответственности нужные меры найдутся, и они могут быть более действенными, чем те, которые представляются в результате двухнедельного обследования реки. Но важно этой инициативе, этой ответственности пробудиться.

С горечью надо признать: голос тревоги слишком часто пропускают мимо ушей. Один из нас несколько лет назад прошел пешком от истоков до устья приток Воронежа Усманку. В меру знаний и сил были исследованы причины истощения этой прекрасной некогда речки. Что-нибудь сделано для ее сохранения? Ничего! Ее объявили... памятником природы. Горькая ирония: речку, титулованную «памятником природы», эти годы лишь добивали. В том месте, где Усманка еще хоть сколько-нибудь походила на реку, ее застроили. На берегах возведены павильоны и большие («как

в Сочи») бетонные корпуса. Русло тут тоже с помощью механизмов терзали. В результате речка иссушена и задавлена. Постройки тут выглядят стадом слонов у ручья, из которого могут напиться лишь мыши.

И это не все. В верхнем течении минувшей зимой речку настиг удар отравления. Кожевенный заводик в Усмани и завод «Индикатор» вылили в воду ядовитые стоки. Вот каковы последствия этого в Воронежском заповеднике (старейший заповедник страны!). Двадцать два бобра обнаружены мертвыми. На уникальной бобровой ферме впервые за тридцать четыре года ее существования ни одна самка не принесла приплода. И это лишь то, что сразу было замечено. И это все на реке, к которой было привлечено общественное внимание.

Нелегко после этого подыматься на колокольню и снова бить в колокол. И все же не теряем надежды – речь идет о явлениях слишком серьезных. Надеемся, в Липецке и Воронеже (а возможно, и где-то еще – многие реки нуждаются в хозяйском глазе) эти наши заметки истолкуют как призыв к действию. Учитывая, что реки живут по законам, не признающим административных границ, действовать воронежцам и липчанам (а также и тамбовчанам) необходимо совместно и согласованно. Но, учитывая необычность и, что говорить, сложность дела, наверное, есть смысл обратиться за опытом на Десну. (За другим-то опытом ездим!) Однако кое-какой опыт, мы заметили, есть и на месте. В Вороне-

же несколько предприятий учредили экологические группы (группы советников по охране среды). Очень разумное дело! И может быть, к месту придется такое суждение: при областном исполкоме, при других учреждениях (не только областных), где принимаются важные хозяйственные решения, необходимо сегодня иметь специалистов по охране среды. Называть их можно советниками или как угодно еще. Важно, чтобы это были люди квалифицированные, с чувством гражданской ответственности, способные помочь ведомству или отдельному человеку избежать невольных ошибок.

Насколько необходимо сегодня заключение эксперта и сколь важно к нему прислушаться, говорит хорошо известный воронежцам (и не только воронежцам) спор, возникший лет десять с лишним назад. Агроном и писатель Гавриил Николаевич Троепольский публично предупреждал: «Осушение земель в нашем краю пониженной влажности – большая ошибка. Надо остановиться!» Не послушались. Продолжали искать «резервные гектары» для пашни там, где искать их не следовало. Исчезновение маленьких речек, обмеление больших, резкое понижение уровня грунтовых вод – в немалой степени результат неразумного «осушительства», результат самонадеянности в обращении с природой.

Горький опыт надо учитывать. Но важнее предвидеть последствия хозяйственной деятельности. И если уж оступились – надо немедленно поправляться. Перекладывать эту работу лишь на «Общество по охране природы» – значит,

надеяться на вахтера и дворника при видимых неполадках на заводе. Водная система – важнейшее звено, «коренная лошадь» в хозяйстве. Силами и средствами всего хозяйства (колхозного, районного, областного, государственного) необходимо и решать возникающие проблемы.

Всякая профилактика и ремонт требуют средств. Мы не знаем, на какой полке должны лежать для этого деньги. Но будет странным, если они не найдутся. Река Воронеж, к примеру, служит десяткам крупных заводов, десятки колхозов качают из нее воду и пользуются благами ее поймы, сотни тысяч людей городских предприятий проводят на реке отдых. Река покорно несла это бремя, не требуя платы. Теперь пришло время платить. Не по-хозяйски (если действовать по расчету) и безнравственно (если иметь в виду нормы поведения человека в природе) не увидеть нүжды реки.

Две частные проблемы... Моторные лодки. Думаем, все, что увидели мы на Воронеже, может служить наглядным уроком и для других мест. На больших реках (Волга, Днепр, Ока, Кама) лодки с моторами не помеха. На таких же, как, например, Воронеж, Сейм, Северский Донец, Псел, «малый моторный флот» подавляет многие другие интересы людей на реке. Требование запретить хождение по реке с мотором либо регулировать это движение так же, как это сделали на Воронеже, надо считать и нормальным, и разумным. Областной властью в каждом конкретном случае эта проблема вполне разрешима.

Строительство на берегах и сопутствующее ему «преобразование реки» – дело более серьезное. Вся пагубность застройки берегов, мы думаем, достаточно ясна. Необходимо только добавить: Воронеж – не единственная река, где это все наблюдается. Мы считаем, эта проблема должна решаться законодательными мерами. И очень важно, чтобы нас услышали в Комиссии по охране природы Верховного Совета СССР.

И, наконец, «о хозяине реки», о ведомстве, которое следило бы за соблюдением уже принятых законов, за возникающими проблемами, регулировало бы отношения водопользователей и пресекало бы нарушения. Мы уже говорили, что деятельность «Гидрохимической лаборатории» (Липецк) и «Бассейновой инспекции» (Воронеж) перед лицом обозначенных проблем практически близка к нулю. Возможны такие решения. Учредить самостоятельный контрольный орган по охране внутренних водоемов. (Нынешнее совмещение в Министерстве мелиорации и водного хозяйства РСФСР производственных и контрольных функций приводит к преобладанию чисто практических интересов над интересами охраны ресурсов и окружающей среды.) Если же будет найдено, что организационную структуру менять не следует, то надо резко повысить роль существующих «бассейновых инспекций», поднять их работу до высоты возникших задач. Тут многое надо менять: бюджет, технические возможности, правовой уровень, степень ответственно-

сти и компетентности. Это должен быть в полном смысле строгий государственный глаз за использованием воды. Надо, чтобы руководитель этого ведомства имел бы не робкий совещательный голос, с которым хозяйственные руководители, как правило, не считаются, а веское слово «в пользу воды», когда налицо равнодушие, заблуждение, злоупотребление или сиюминутные интересы. Руководитель инспекции должен иметь право вето в случае, если какой-то проект или волевое решение нарушают закон водопользования, он должен искать наказание для виновных и сам нести ответственность, если что-нибудь проморгал. Только при этих условиях законы водопользования будут работать.

Штат у инспекции должен быть достаточным, чтобы иметь технически оснащенную оперативную группу для надзора за всем, что происходит на важнейших реках бассейна. Сейчас можно встретить патрульный надзор за движением лодок (что-то вроде речного ГАИ), сама же река, берега реки находятся без какого-либо присмотра.

...Всякое соприкосновение с текущей водой лишний раз убеждает: рек незначительных нет, у каждой свое предназначение, и о каждой можно сказать словом народной мудрости: «Река – это жизнь», или, например, строчкой судебного протокола: «Река не только источник наслаждения, она – настоящее богатство» (из решения Верховного суда по делу природопользования). О Кривке старый лесник Яков Никитич Полянский сказал: «Извелась речка – как будто кровь у

меня по жилам течь перестала. Вся жизнь прошла на этой реке». «Она все еще хороша...» – сказал о реке Воронеж Савелий Васильевич Ратников. «Все еще хороша» – состояние, как мы увидели, нестабильное. И надо торопиться реке на помощь. Важно, чтобы внук Савелия Ратникова, принимающий реку сейчас такой, какая она досталась ему в наследство, на склоне лет мог бы сказать: «Она все еще хороша...»

Фото В. Пескова и из архива автора. В. Дежкин, эколог. В. Песков. 19–23 ноября 1975 г.

1976

Дикая жизнь

Окно в природу

Первый раз я увидел их года четыре назад. В осеннем лесу вечером пугающе громко листья шуршат даже под лапками мыши. На меня же из темноты сквозь белесые стебли сухой крапивы явно неслись кабаны. И только в последний момент я понял, что это собаки. И испугался. Откуда собаки на ночь глядя в лесу?

Собаки, как видно, тоже не ждали встречи, гавкая, они смешались и кинулись врассыпную. Но через долю минуты я их увидел бегущими строгой цепочкой. Поляна между дубами, и по ней друг за дружкой – быстрые тени. Я насчитал их более десяти.

Через неделю в деревне Зименки я заглянул к пастуху Василию Ивановичу Боровикову, полагая, что озадачу его рассказом. Но он не раз уже видел эту компанию.

– Дикие. Они тут хуже волков. Будешь идти опушкой – возле ручья увидишь мертвого кабана. Считаю, они загнали...

Так состоялось знакомство со стаей. С тех пор следы ее жизни я наблюдаю почти всякий раз, когда приезжаю в знакомый мне до последней тропинки лес к востоку от Внукова. Зимой в стогу обнаружилось логово, где собаки спасались от холодов. В другой раз по следам удалось проследить, как со-

баки гнались за лосем. Одолеть огромного зверя они не сумели, и, возможно, охота была лишь спортивным азартом. Но кровь на снегу говорила, что дело дошло до зубов, и лосю пришлось защищаться. Нетрудно было представить при встрече с собаками участь лосенка, зайца, лисы и всех, кто не в силах был постоять за себя. Зубастый гребешок своры буквально прочесывал лес. Повсюду, где раньше встречались узоры разных следов, теперь встречались только следы собаки.

Однако дичь сравнительно небольшой территории не могла прокормить орду прожорливых хищников, и я не удивился, когда застал однажды собак на примыкающей к лесу пашне – артель охотилась за мышами.

В бинокль я в отдельности разглядел каждого землекопа. Их было двенадцать. Лапы и морды у всех перепачканы черноземом. И только эта деталь окраски как-то объединяла разношерстную, разнокалиберную компанию. Верховодил в этой артели кофейного цвета ловкий поджарый кобель.

Несомненно, этот странный и необычный коллектив был как-то организован. Распределение ролей на охоте, дележ добычи, взаимоотношения полов, степени подчинения, соблюдение дисциплины, манера передвижения – все это регулировалось какими-то незримыми для меня правилами. И удивительней всего – правила эти были «написаны» заново, как только возникла эта собачья вольница. Впрочем, так ли уж заново? Скорей всего, в каждой из этих собак ожило наслед-

ство стайной, подчиненной стройным законам жизни. Однако и опыт общения с человеком тут не забыт. Живут почти на виду у людей. Но как удивительно ловко избегают они опасность! В который раз наблюдаю за ними. Но только бинокль помогает как следует их рассмотреть. Дистанция в восемьсот метров предельна.

* * *

Историю их появления удалось проследить без труда. За деревней Летово одну из лесных полян отвели под огромную свалку. То, что мы с вами спускаем в мусоропровод и что потом с наших дворов увозят мусоросборщики, попадает сюда, за город, на свалки. В хаосе всяких отбросов, обрывков, обломков и отслуживших вещей есть и остатки пищи. Для бездомных собак свалка – это просто обетованная земля. И очень много бродячих псов, избежав ловчей петли санслужбы, нашло дорогу за город и осело у свалок. Тут тоже не вполне безопасно – санитарная служба не дремлет. И все же, добывая в мусоре пропитание, легко увернуться от выстрелов – рядом лес.

По наблюдению знакомого мне пастуха, у свалки в Летово образовались, как сказал бы ученый, две популяции собак. Одна была прочно привязана к свалке (и, конечно, ее без большого труда истребили), другая почувствовала вкус дикой жизни и превратилась в стаю вольных охотников. (Воз-

можно, и не в одну стаю.) Можно представить, каким суровым и жестким был в этой группе отбор. И, надо полагать, только немногим удалось приспособиться к дикой жизни. Однако потомство от новоявленных дикарей было, конечно, жизнеспособным.

Однажды летом на дорожке в густом орешнике меня облаял прелестный щенок. Это был лоснящийся темно-бурый футбольный мяч с хвостиком, с торчащими вверх ушами и двумя угольками глаз. Держался он с покоряющей смелостью. Я присел достать из мешка фотокамеру, а щенок лаял, загородив тропинку, уверенный: этот лес принадлежит ему

и только ему.

Снимок сделать не удалось. За спиной послышался шорох и рычание взрослой собаки... Все остальное длилось не более двух секунд. Маленький шалопай был схвачен за холку, и я не успел даже как следует разглядеть рассерженную мамашу – с мгновенно притихшей ношей она нырнула в орешник... Собачья вольница жила полноценной жизнью, пополняясь потомством, возвращенным по правилам дикой природы.

* * *

Но лес и пашня с мышами никак не могли прокормить возраставшую шайку диких охотников. Рискаю попасть под выстрелы, они, несомненно, ходили и к свалке. Однако минувшей осенью свалку закрыли. Возвышаясь в лесу огромным холмом, она уже не вмещала отбросов. Горухлама слегка разровняли бульдозером и оставили зарастать бурьянами.

– А что же собаки? – спросил я старых друзей, найдя их дома у печки.

– О, такие новости! – сказал пастух. – В Прокшино у Дмитрия Воробьева едва отбили у них телка. В Пенино на прошлой неделе двух коз порешили...

– Да врут, наверное, Василь Иванович, – подзадорил я собеседника, – и про волков, ты ведь знаешь, много всяких рассказов...

Пастух не обиделся:

– Врать могут. Но ведь легко и проверить – Пенино рядом.

Я вырезал палку потолще и вышел из лесу к Пенино, когда в деревне уже светились окна.

– Не у вас ли собаки коз порешили? – с порога вместо приветствия спросил я хозяев.

– У нас... – нерешительно ответил мужчина, чинивший шапку...

Оценив интерес собеседника к подробностям происхождения, хозяин сказал, что сейчас приведет человека, который видел все сам.

Вернулся он с соседкой Сидоровой Марией Алексеевной. Она рассказала, что 9 октября днем шла с работы и шагах в пятистах от опушки, за деревенскими огородами, увидела: стоя собак рвет козу. Бедняга была привязана и только отчаянно блеяла. «Я закричала, замахала руками. Они отбежали к лесу и стали глядеть на меня. Тут я заметила, что слегка опоздала. Козы было две. Одна стояла, тряслась. А другая чуть в стороне лежала уже без движений».

Расспросив Марию Алексеевну, как выглядели собаки, я узнал в разбойниках старых своих знакомых.

* * *

В Пенино и в Зименках, как и во всякой лесной деревне, есть, конечно, охотники. Но в последние годы в большом

«зеленом кольце» Подмосковья охота запрещена. А тут вдобавок и не на кого было охотиться – собаки чистили лес под метелку. И надо ли удивляться – владельцы ружей при общем сочувствии объявили собакам что-то вроде священной войны.

Недели три я не был в этих местах. А появившись как раз перед зазимком, завернул за «собачьими новостями».

– Война... Война идет! – засмеялся пастух. Одну застрелили. Этим и кончилось. Они хитрее охотников...

В тот день удивительный случай помог мне не просто снова столкнуться со стаей, но и стать свидетелем драмы, какую не так уж часто встречаешь в природе.

После долгой погожей осени наступила пора ненастья. Лес был тихим и кротким. Из Зименок после чая у пастуха я шел вдоль ручья, дивясь, как искусно, возле самой тропы, прятали гнезда сороки. Сейчас в облетевших ольшаниках гнезда висели подобно забытым шапкам. И вдруг где-то рядом раздался раздирающий душу крик. Я не понял даже сразу: человек или зверь? Но почувствовал: так может кричать существо, оказавшись в большой беде. Подбежав к повороту ручья, я никого не увидел. И хотел уже двигаться дальше, но оглянулся и на кладке через ручей заметил что-то пушистое, по виду похожее на ондатру.

Но это была собака. Минуты было довольно, чтобы понять беду, в какой она оказалась. Друзья по стае были тут, рядом — я видел, как в редколесье мелькнули Кофейный и белая собачонка. Но мое появление было для них сигналом — спастись. А эта, попавшая в западню на мостке, как видно, приготовилась к самому худшему. При моем приближении собака взвыла и затряслась мелкой дрожью. В ее глазах я увидел страшную ненависть и бессилие.

Кладка через ручей была сбита поперечными планками из трех липовых жердочек. Тут, опираясь на шест, проходили в Зименки люди. Собаки тоже, как видно, не раз пробегали по жердочкам. Но в этот день моросил дождь. Все было мокрым и скользким. Одна из собак оступилась. Лапа ее скользнула между двух пружинящих жердочек, собака свалилась в ручей, заклинив в нежданном капкане заднюю ногу. В таком положении я ее и застал: нога и хвост наверху, туловище в воде, а голова над водою с другой стороны мостка. Большого бессилия и безнадёжности трудно было представить...

Странное существо человек.

Профессор Гржимек, вспоминая о встрече с животными в Африке, говорил: «Нельзя равнодушно смотреть, как лев сбивает с ног антилопу. Понимая законы жизни, антилопе все же сочувствуешь. Но однажды я встретил в саванне ста-

рого льва. Глаза у зверя слезились. Он не мог не только охотиться, он не мог даже двигаться – антилопы небоязливо ходили в десятке шагов. И что вы думаете, я сделал? Я застрелил антилопу и положил ее старику...»

Тут на ручье у Зименок возникла похожая ситуация. Я лучше, чем кто-то другой, понимал, каким злом для всех обитателей леса были эти собаки. Но поднять сейчас руку на терпевшего бедствие или даже пройти равнодушно мимо не смог бы, как я подумал, даже старик, потерявший недавно козу. Сделав несколько снимков, я стал искать способ помочь собаке.

Дело оказалось не слишком простым. Ручей от дождя вздулся, и гибкий мостик, как только я на него ступил, уходил в воду, грозя утопить и собаку. К тому же собаке не объяснить намерений, и надо было соблюсти осторожность, как только пленница станет свободной. Я отыскал шест подлинней и крепче и стал концом его раздвигать жерди, державшие лапу. Минут пять я возился, доставляя собаке мучения. Но, странное дело, она поняла, что бояться меня не надо. Она по-прежнему мелко дрожала. Но глаза! На меня глядели испуганные и преданные глаза. Я подумал: вот так же, наверное, собака глядела когда-то на своего хозяина.

Для успеха неожиданной операции нужна была помощь самого пострадавшего. Надо было заставить собаку нырнуть и выскочить на другую сторону мостика. И собака сообразила, что надо делать. Она нырнула, и сразу же лапа ее скольз-

нула вниз из раздвинутой щели. И все окончилось. Собака поплыла к берегу, вылезла из воды, испуганно оглянулась и, приволакивая ногу, кинулась в лес...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.